

СЛОВО

въ пятокъ 4-й седмицы по Пасхѣ и въ день священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

*„Преполовившуся празднику,
жаждущую душу мою благочестія
напой водами“... (Тропарь Пре-
половенія).*

Такъ взываетъ къ Богу св. Церковь отъ лица каждаго христіанина въ праздникъ Преполовенія Св. Пасхи. О, если бы каждый, носящій имя христіанина, понималъ и чувствовалъ, что такое духовная жажда, и взывалъ ко Христу, вмѣстѣ съ Церковью, объ утоленіи этой духовной жажды! Вѣдь Господь Іисусъ Христосъ, бесѣдовавшій съ самарянякою о живой водѣ, обращается и къ каждой человѣческой душѣ: „если бы ты знала даръ Божій, и кто говоритъ тебѣ..., то ты сама просила бы у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую“ (Іоан. 4, 10).

Но какъ часто повторяють слова; „духовная жажда“, „духовный голодь“, и какъ рѣдко подь этими словами разумѣють ту духовную жажду и тотъ духовный голодь,“ которые можетъ утолить только Христось—Спаситель! Когда говорятъ, что нашъ народъ темень, что онъ духовно голодаеть и жаждеть, и что нужно просвѣтить его, духовно накормить и напоить, то большею частью разумѣють не ту духовную пищу и не ту живую воду, которыя можетъ дать только Христось. Когда воздвигаютъ огромныя многоэтажныя зданія для различныхъ учебныхъ заведеній и говорятъ, что молодое поколѣнїе рвется въ двери этихъ зданій утолить свой духовный голодь и жажду, то и въ этихъ громкихъ словахъ звучитъ не тотъ смыслъ, какой звучитъ въ словахъ церковной пѣсни; „жаждущую душу мою благочестія напои водами“...

Что же разумѣють подь духовной пищей и водой, которыми можно утолить духовный голодь и жажду? Разумѣють вообще науку,—всю ту сумму познаній, которая преподаеться въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная отъ маленькой деревенской школы и кончая огромными столичными зданіями университетовъ, институтовъ, политехникумовъ,—которая заключена въ безчисленныхъ милліонахъ книгъ, молчаливыми и стройными рядами стоящихъ въ различныхъ библіотекахъ и книгохранилищахъ. Но все эти науки, и познанія и книги, удовлетворяя челоуѣческую любознательность, могутъ ли удовлетворить челоуѣческую душу, когда она почувствуетъ настоящій духовный голодь и настоящую духовную жажду? Да и что это, въ самомъ дѣлѣ, за духовной голодь и жажда?

Если евангельскій богачъ, у котораго былъ хорошій урожай, раздумываль и говорилъ: „что мнѣ дѣлать“ (Лк. 12, 17)? если челоуѣкъ, избалованный дорогими и изысканными кушаньями, говорить: „чего бы поѣсть“?—то мы хорошо понимаеть, что оба не въ безвыходномъ положеніи находятся, что имъ жить очень хорошо, а они только ищутъ, чтобы было еще лучше. Но, когда челоуѣкъ бѣдный говорить: „что мнѣ дѣлать? гдѣ мнѣ взять

облу-
и мы
духа
Бо-
отей
зерг-
енно
юбія
орая
обны
юсть
тъся
ла и

роно-
нику,
естія
Пре-

стіа-
кдѣй,
такое
овью,
Хрис-
гся и
ожій,
Онъ

пищи“?— то мы знаемъ, что эти слова говорятъ настоящая бѣдность и настоящій голодь. Когда человѣкъ ночью смотритъ на небо, и ему хочется узнать: что это за свѣтящіяся точки на небѣ? когда онъ смотритъ на землю и видитъ, что на землѣ то тепло, то холодно, что вода то нагрѣвается, то замерзаетъ, то ему хочется узнать: какъ и отчего все это бываетъ? когда онъ смотритъ на памятники старины, и въ умѣ его встаютъ вопросы: а какъ люди преждѣ жили и что дѣлали?—то во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ испытываетъ духовный голодь и духовную жажду. Но этотъ голодь и жажда не есть ли обыкновенная и простая человѣческая пытливость и любознательность?.. И, чтобы удовлетворить эту любознательность, человѣкъ идетъ въ огромныя зданія, гдѣ учить и учится, гдѣ стоять рядами книги, будетъ слушать, читать и писать, будетъ смотрѣть въ трубу на небо и дѣлать различные опыты. Мы уже умалчиваемъ о той жадѣ всякихъ правъ, преимуществъ и жизненныхъ удобствъ, которая многихъ и весьма многихъ заставляетъ дѣйствительно рваться въ двери учебныхъ заведеній. Но человѣческая пытливость и любознательность не напоминаютъ ли евангельскаго богача, который спрашиваетъ себя: „что мнѣ дѣлать“? а потомъ рѣшаетъ разломать житницы свои и построить еще большія, чтобы собрать туда „вся жита своя и благая своя“ (ст. 18)? Не напоминаютъ ли человѣка, которому пріѣлась его пища, и который добивается болѣе изысканной?..

Но вотъ, человѣка начинаютъ тревожить другіе вопросы. Онъ смотритъ на небо и землю и спрашиваетъ: само собой все это произошло или создала это всемогущая рука?

Что тайна отъ вѣка?

Въ чемъ состоитъ существо человѣка?

Откуда приходитъ, куда онъ идетъ?

И кто тамъ, вверху, надъ звѣздами живетъ?

Смотритъ человѣкъ на жизнь и видитъ: одни упиваются удовольствіями, горды, злобны, мстительны, а другіе страдаютъ

кротки, прощаютъ и смиряются. И спрашиваетъ онъ: какъ же жить—подражать ли первымъ или вторымъ? Человѣкъ ходитъ по кладбищу, между могильными холмами, памятниками и крестами, углубляется въ свои думы и спрашиваетъ: всѣ, которые схоронены подъ этими холмами, памятниками и крестами,—которые думали, страдали, радовались, а теперь сдѣлались добычею червей и тлѣнія, навсегда погибли или живы они, и не пропали безслѣдно ихъ думы, страданія, радости? А когда я буду страдать на одрѣ болѣзни,—раздумывается далѣе человѣкъ.—и буду ждать смерти, то—что такое смерть? Куда мнѣ тогда обратиться свои взоры? гдѣ искать помощи? за какой якорь ухватиться?

Вотъ, если человѣкъ ищетъ разрѣшенія этихъ послѣднихъ вопросовъ, то въ немъ говоритъ настоящій духовный голодъ и настоящая духовная жажда. Не получивши отвѣта на вопросы обыкновенной человѣческой любознательности, жить можно: такъ живутъ и хорошо умираютъ наши крестьяне. Но, не получивши отвѣта на вопросы о Богѣ, о цѣли жизни, о добрѣ и злѣ, о смерти, человѣку жить невозможно и ужасно умирать,—если только онъ намѣренно не станетъ отпихивать отъ себя эти вопросы.

Но даетъ ли человѣческая наука отвѣтъ на эти послѣдніе вопросы? утоляетъ ли она такой голодъ и такую жажду души? Увы, она или совсѣмъ не отвѣчаетъ или, если и отвѣчаетъ, такъ—на то, о чемъ человѣкъ ее не спрашиваетъ. Человѣкъ простой, неученый, но живущій природнымъ здоровымъ смысломъ, напр., нашъ крестьянинъ, думаетъ, что ему некогда и не по силамъ рѣшать важные вопросы, что за него рѣшаютъ ихъ люди ученые. И вотъ, положимъ, этотъ простой человѣкъ вздумалъ бы обратиться къ наукѣ и ученымъ за разрѣшеніемъ вопросовъ: о Богѣ, о томъ, какъ ему жить и умирать, о загробной жизни... И какіе же отвѣты дадутъ ему ученые? Они могутъ сказать ему, сколько милліоновъ верстъ отъ земли до солнца, отчего бываетъ свѣтъ и звукъ, какая и когда появится комета, и какой у нея хвостъ, какъ можно летать по воздуху... Но объ этомъ простой человѣкъ ученыхъ и не спрашивалъ.

Впрочемъ, пусть не думаетъ никто, что мы унижаемъ науку и ученыхъ людей, которые часто жизнью жертвуютъ для нея. Нѣтъ, мы, вѣрующіе люди, только скорбимъ о томъ, что въ настоящее время большею частію изучаютъ явленія міра и преподають о нихъ такъ, что—о Творцѣ этого міра какъ бы намѣренно умалчиваютъ, не хотятъ или боятся прославить Его, какъ Бога—Вседержителя и Промыслителя. Это все равно, какъ если бы гости, собравшись въ какомъ-нибудь роскошномъ домѣ, насладились бы богатымъ угощеніемъ, осмотрѣли бы весь домъ, восхищаясь его роскошью и красотою, и никто бы изъ гостей не догадался спросить: а гдѣ же хозяинъ этого дома, и какъ бы его поблагодарить? А вѣдь многіе, дѣйствительно великіе ученые, творцы науки, не только не стыдились признать Творца того міра, который они изучали, но и не могли удержаться отъ восторженнаго прославленія Его. Такъ, Кеплеръ, законы котораго, вмѣстѣ съ законами Ньютона, положили самое основаніе современной астрономіи, такъ заканчиваетъ одно свое ученое сочиненіе; „Великъ Господь нашъ и велико Его могущество, и мудрости Его нѣтъ границъ, Хвалите Его солнце, луна и планеты, на какомъ-бы языкѣ ни звучала ваша хвала! Хвалите Его вы, небесныя гормоніи, и также вы, свидѣтели и созерцатели раскрытыхъ Его мыслей, истинъ!..—И ты, моя душа, пой славу Господу твоему во всю твою жизнь! Отъ Него, и чрезъ Него, и къ Нему все существующее, видимое и невидимое, И Ему единому честь и слава во вѣки вѣковъ! Аминь“. Кто бы изъ нынѣшнихъ ученыхъ сталъ такими словами заканчивать свое сочиненіе?.. А знаменитый Пастеръ такъ говоритъ: „Чѣмъ больше я занимаюсь изученіемъ природы, тѣмъ болѣе останавливаюсь въ благоговѣйномъ изумленіи передъ дѣлами Творца. Я молюсь во время работъ своихъ въ лабораторіи“¹⁾.

¹⁾ Прот. П. Я. Свѣтловъ, „Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи.“ т. I, стр. 7—9. Кіевъ, 1910 г.

„Аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пить (Іоан. 7, 37) — вотъ Кто утоляетъ жажду и голодь человѣческой души, Господь Иисусъ Христосъ, сказавшій эти слова. Онъ есть наша пища и питіе. „Азь есмь хлѣбъ животный; грядый ко Мнѣ не имать възалкаться, и вѣруй въ Мя не имать вжаждатися никогда же“ (6, 35). Иисусъ Христосъ не только питаетъ насъ Своимъ пречистымъ Тѣломъ и Кровію, но и въ Его Божественномъ ученіи бьетъ никогда неизсякаемый источникъ живой воды. Св. евангеліе! можетъ ли съ нимъ сравняться какая-либо другая книга или наука? Про всѣ книги и науки можно сказать тоже, что Христосъ—Спаситель сказалъ самарянкѣ про обыкновенную воду: „всякій пьюшій воду сію возжаждетъ опять; а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды текущей въ жизнь вѣчную“ (4, 13—14). Вѣдь не даромъ же народъ, слушавшій Спасителя, забывалъ голодь и жажду, а Марія, не принимая участія въ хлопотахъ Марѳы, сидѣла у ногъ Спасителя, слушая слово Его. Вѣдь не даромъ Савль, изучившій книжную мудрость того времени при ногахъ Гамаліила (Дѣян, 22, 3), сдѣлавшись апостоломъ Павломъ, съ горячимъ убѣжденіемъ писалъ Коринтянамъ: „Я разсудилъ быть у васъ незнающимъ ничего, кромѣ Иисуса Христа и притомъ распятаго“ (1 Кор. 2, 2). Не даромъ всѣ древніе великіе отцы и учителя Церкви всю свою, дѣйствительно обширную, ученость отдавали на служеніе Слову, т. е, Христу.

Одинъ образованный человѣкъ очень любилъ читать книги. Но вотъ, заболѣлъ онъ, сталъ приближаться къ смерти. Увы, какъ ни пробовали окружающіе развлечь его ученіемъ книгъ, онъ уже не интересовался ими. А когда начинали читать ему произведенія одного великаго русскаго писателя, которыя, какъ полныя неподражаемаго юмора, въ прежнее время заставляли этого человѣка отъ души смѣяться, то онъ не только не развеселялся, но и недоумѣвалъ: зачѣмъ все это написано? И только одна книга—св. евангеліе—вливала въ его душу отраду и успокоеніе. Ужъ не потому ли упомянутый великій писатель передъ смертію сжегъ часть своихъ произведеній, что убѣдился: пока

онъ былъ живъ и здоровъ, все, что онъ писалъ, казалось нужнымъ и интереснымъ, когда же онъ сталъ предъ лицомъ смерти, то увидѣлъ, что для той жизни, въ которую онъ вступалъ, все это ненужно и излишне!..

Мы, бр.—хр., празднуемъ нынѣ священное коронованіе нашего Царя и Царицы и собрались помолиться о Царѣ и Богомъ вѣренномъ Ему нашемъ отечествѣ—Россіи. А вѣдь про нашу матушку—Русь ужъ такъ мы всѣ привыкли слышать, что будто отстала она ото всѣхъ ивоземныхъ народовъ въ наукахъ и просвѣщеніи. Поэтому, „школь больше, наукъ, просвѣщенія“. — Вотъ какъ восклицаютъ всѣ. Но, слыша эти нестройные голоса, взывающіе о наукахъ и просвѣщеніи, сердце вѣрующаго русскаго человѣка, горячо любящаго свой народъ, не можетъ не дрожать, не можетъ не быть удручено и озабочено мыслию: какое же просвѣщеніе преподается и будетъ преподаваться русскому народу? какою водою будутъ утолять жажду народной души: мертвою ли водою человѣческихъ мудрованій или истиннымъ просвѣщеніемъ, проникнутымъ благодатными струями христіанскаго благочестія!..

Пастыри церкви, учителя школь и блюстители народнаго просвѣщенія, родители и воспитатели дѣтей, правители народа! Вашею первою заботою да будетъ забота о томъ, чтобы народная душа не отравлялась нечистою и мертвою водою безбожія и невѣрія, а напитывалась живою водою Христова ученія. Русскіе люди, вѣрующія въ Бога и любящія свою родину! Да будетъ нашею первою и постоянною молитвою и въ нынѣшній торжественный день и всегда: Христе Боже, источниче жизни и безсмертія! жаждущую душу нашего великаго народа напои водами благочестія, „Яко всѣмъ, Спасе, возопилъ еси: жаждай да грядеть ко Мнѣ и да пѣтъ“!.. Аминь.

14 мая 1910 г.

Свящ. С. С.